

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-36-65

УДК 93; 94

Антон Крутиков

Концепции истории Белоруссии. I. От западнорусизма к национальным мифам и постсоветскому прагматизму

Аннотация. Среди альтернативных версий прошлого выделяются несколько основных моделей, представленных в научном пространстве и непосредственно влияющих на общественное сознание, государственную политику и внутривнутриполитические процессы в Республике Беларусь. Помимо советской школы белорусской истории, к ним относятся западнорусизм, рассматривающий Беларусь как органичную, но при этом самобытную часть русского культурного и исторического пространства, «литвинизм» и белорусская национальная школа. Сложный и драматичный характер становления белорусской государственности в XX столетии до сих пор определяет господство неоднозначных, полярных, а порой и взаимоисключающих подходов к изучению национальной истории.

Ключевые слова: история Белоруссии, западнорусизм, исторические концепции, историческая политика, национальная идея, белорусский национализм.

Наличие в белорусском научном и общественно-политическом пространстве нескольких альтернативных моделей исторического прошлого не является уникальным явлением для большинства постсоветских государств. Противоречивый и во многом трагичный опыт XX столетия до сих пор не позволяет постсоветским обществам на территории бывшего СССР сформировать консенсус по важнейшим, базовым подходам к оценке собственной истории. Уникальность Беларуси состоит в том, что это единственное государство на постсоветском пространстве, где до сих пор пользуются официальной поддержкой многие советские исторические идеологемы, культурные символы, национальные герои и объекты исторической памяти.

События распада СССР, создавшие принципиально новую общественно-политическую ситуацию в постсоветских республиках, сформировали фон, на котором с начала 1990-х годов происходила трансформация массовых и элитарных представлений о прошлом Беларуси. Сложный и драматичный характер становления белорусской государственности в XX столетии определил господство неоднозначных, полярных, а порой и взаимоисключающих подходов к изучению национальной истории. Даже на уровне официальной государственной риторики прошлое Беларуси представляло противоречивую картину, составленную из советских идеологических клише, дорево-

Сведения об авторе: Крутиков Антон Алексеевич — историк, эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyozel1000@gmail.com.

люционных исторических концепций и взглядов классиков белорусского национализма. За последние десятилетия представления о прошлом, входившие в официальный исторический нарратив, колебались от признания «общего отечества от Бреста до Владивостока» до утверждений об особом историческом пути Беларуси и даже о самостоятельной «Белорусской цивилизации» [Лукашенко].

Определяя историческую политику государства как «политическое использование истории» [Миллер, с. 8], можно с уверенностью утверждать, что такая смена трактовок в основном совпадала с изменениями политического курса белорусского руководства. Это обстоятельство позволило многим исследователям предложить свои версии развития и периодизации современной белорусской историографии [Линченко, Беляева, с. 102; Карев, с.154; Фролов, с. 682].

Среди различных альтернативных версий белорусского прошлого сегодня можно выделить несколько доминирующих моделей, широко представленных в научном пространстве и оказывающих непосредственное влияние на государственную историческую политику. К ним следует отнести историческую концепцию «западнорусизма» (рассматривающую Беларусь как органичную, но при этом самобытную часть русского культурного и исторического пространства), белорусскую национальную школу и советскую школу белорусской истории. В современной официальной риторике можно с легкостью обнаружить элементы каждой из этих исторических школ. При этом степень их востребованности никогда не была постоянной. Соперничество нескольких альтернативных исторических моделей и их взаимовлияние порой рождало новые неожиданные трактовки и прочтения, представляющие несомненный научный интерес. Изучение особенностей зарождения наиболее влиятельных идейных течений в белорусской историографии представляется важным и для понимания концептуальных оснований современной белорусской исторической науки в целом. Не менее важны последствия выбора той или иной исторической модели для белорусского государства на фоне текущих проблем национальной самоидентификации, общественного единства и исторической памяти.

Генезис западнорусизма. «Куда идет Русская земля»

Идея исторической и культурной общности восточных славян имеет многовековую историю. Истоки лежат в эпохе Киевской Руси, от которой были унаследованы общие для ее православного населения понятия «Русь», «русская вера» и «Русская земля». В XIV–XVI вв. на территориях Малой и Белой Руси осознание этого единства было тесно связано с особыми историческими условиями их существования в составе Литовского, а затем и Польско-Литовского государств.

Политическая уния с Польшей 1569 г. привела к столкновению русских культурных традиций с ценностями западной латинской цивилизации, которые в XVI–XVIII вв. оказались поддержаны правящими кругами Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой. Столкновение двух культур выявило необходимость более четкой самои-

дентификации местных интеллектуальных элит, причем основой для этого стал религиозный фактор.

После Брестской церковной унии 1596 г. идея русской исторической и культурной общности была четко сформулирована церковными писателями-полемистами — авторами богословских и исторических трактатов, направленных на защиту «русской веры» от притеснений со стороны властей Польско-Литовского государства. В начале XVII в. в областях Белой и Малой Руси уже существовала обширная полемическая литература, причем ее авторы обращались к древней русской истории как к значимому аргументу в споре с оппонентами.

Полоцкий архиепископ Мелетий Смотрицкий (1577–1633) в своих трудах рассматривал веру в качестве важного признака самоидентификации для «русского» населения восточных земель Речи Посполитой. «Грамматика» Смотрицкого (1619) издавалась в XVII в. несколько раз, причем география и хронология переизданий свидетельствовали о широкой востребованности идей автора [Грамматика].

Религиозный деятель и публицист Св. Афанасий Брестский (1596–1648) в своем «Диариуше» (дневнике) подчеркивал, что основой идеи русского единства выступало древнерусское наследие и память о крещении Руси князем Владимиром в IX в. Автор указывал на непрерывность русской культурной традиции на протяжении столетий, считая Русь наследницей «Нового Рима» — Константинополя. Оставаясь подданным польского короля Владислава IV, Афанасий Брестский проводил мысль о культурных и исторических различиях русского и польского населения Речи Посполитой. Главными среди них он выделял веру и язык: «Въ панствѣ тутъ съ початку вѣра христіанская, кафолическая, една оріенталная, же за ласкою Божією одъ всходу и заходу есть принятая: зе всходу зъ Нового Риму, Константинополя, Русь вся, поводомъ невѣсты Ольги Московки, Псковянки, жоны Игоря, всеи Россіи князя, року 952; одъ заходу зась, зъ Старого Риму поляки, поводомъ панны Дубровки, Болгарки, дочки Богеміи, за князя Полского Мечислава, року 965. Зъ тыхъ причинъ, одъ одного грецкого писма, Русь — словенскимъ и рускимъ, а поляки — латинскимъ и полскимъ языкомъ, ведлугъ народу и потреби литеральной книгъ заживаючи двоякую якобы вѣру чинили, и двояко ся тутъ здавна русь и поляки»¹ [Диариуш, с. 125]. С точки зрения Афанасия Брестского, потомки Игоря и Ольги («Московки») хотя и жили в XVII в. внутри разных политических систем Московского и Польского государств, но по-прежнему принадлежали к единой русской культуре.

1 «Здесь изначально в государстве была принята единая христианская вера, кафолическая [все-ленская], восточная, по милости Божией на востоке и на западе: на востоке от Нового Рима, Константинополя вся Русь [была крещена] благодаря невесте Ольге, Московке, Псковянке, жене Игоря, князя всея России, в 952 году; на западе же от Старого Рима поляки [приняли крещение] благодаря панне Дубровке, Болгарке, дочке Богемии при князе польском Мечиславе в 965 году. По этим причинам на основе одного греческого письма Русь — славянским и русским, а поляки — латинским и польским языком исповедовали свою веру согласно с различиями двух народов и потребностями их литературы, и издавна здесь [живут] Русь и поляки».

Создатель Густынской летописи, которым современные исследователи называют архимандрита Захарию Копыстенского, утверждал: «якоже и ныне [...] Москва, Белая Русь, Волынь, Подоля, Украина, Подгоря [...] сии все единокровны и единораствны, се бо суть и ныне все общеединым именем Русь нарицаются» [Полное собрание русских летописей, с. 236].

В предисловии к «Евангелию учительному патриарха Каллиста» (перевод Мелетия Смотрицкого), изданному Виленским братством в 1616 г. на средства князя Богдана Огинского, отмечалось, что русский вариант этой книги «на все широкии славнаго и старожитнаго народу Российского краины разослан» [Евангелие учительное, л. 2].

Устойчивость представлений о единстве Руси, актуализированная необходимостью «обороны русской веры», была характерна для обеих сторон религиозного противостояния. При этом «русскими» называли себя не только представители православной элиты ВКЛ, но и простой народ. Жители города Ратно в 1614 г. писали униатскому владыке Иосифу Рутскому о непринуждении их к униии: «отче архиепископе всего Российскаго языка» [Максимович, с. 307]. И даже убежденный противник православия на белорусских землях Иосафат Кунцевич, Полоцкий униатский архиепископ, свой труд против основ православной веры озаглавил так: «Всим станом духовным и свецким народу нашего российскийского» [цит. по: Аверьянов].

Во время «бескоролья» 1632 г., наступившего после смерти Сигизмунда III, Виленское православное братство издало на польском языке книгу «Synopsis» с изложением истории русского народа от крещения Руси до 1632 г. Издание было подготовлено специально для конвокационного сейма в Варшаве и доказывало непрерывность русской культурной традиции с IX в., со ссылками на исторические хроники и официальные документы [Беднов, с. 206].

В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры архимандрит Иннокентий Гизель издал свой «Синописис» — первую печатную книгу по русской истории, которая почти на столетие стала самым популярным историческим сочинением в России. «Синописис» защищал идею единой государственной традиции в древней Руси, единой княжеской династии Рюриковичей и говорил о едином «славенороссийском народе» [Киевский Синописис, с. 10]. В Новое время сочинение Иннокентия Гизеля стало основой для формирования исторической концепции общерусского единства, разделяемой большинством российских историков XVIII–XIX вв.

Развитие этой концепции в Белой Руси имело существенные особенности, которые определялись местными историческими условиями. После «Вечного мира» с Польшей в 1686 г. белорусские земли, в отличие от малорусских, не вошли в состав российского государства и еще более ста лет находились под властью Речи Посполитой. В конце XVII в. здесь расширилось влияние католицизма, униатства, продолжалась полонизация церковной и светской жизни, затронувшая в основном образованные городские слои. В 1696 г. на территории ВКЛ был запрещен письменный «западнорусский» язык,

замененный польским и латынью. Прервалась многовековая литературная традиция, берущая начало во временах древней Руси. Под давлением католической реакции Белая Русь утратила литературную форму своего языка, старая русская книжность была вытеснена из сферы актуальной культуры. По мнению Н.С. Трубецкого, западнорусский язык погиб, «успев, однако, оказать сильнейшее влияние на русский литературный язык», а местная культурная и интеллектуальная жизнь проходила в дальнейшем уже в польских формах [Трубецкой, с. 122]. В этих условиях главная роль в защите «русской веры», а вслед за ней и идеи русского единства, переходила к России, вставшей на путь строительства империи и испытавшей на рубеже XVII–XVIII вв. значительное культурное влияние выходцев из Западной Руси.

По мнению известного белорусского историка Я.И. Трещенка, катализатором зарождения концепции западнорусизма стал так называемый диссидентский вопрос в Речи Посполитой — проблема неравенства прав католиков и представителей других христианских конфессий. Роль России, выступавшей с середины XVIII в. в качестве основного защитника прав «диссидентов», в данном контексте трудно переоценить. По словам Я.И. Трещенка, основной комплекс представлений западнорусизма сложился под идейным руководством Св. Георгия Конисского, епископа Белорусского, еще во второй половине XVIII в. Выпускник Киевской духовной академии, просветитель, ревностный защитник православия на белорусских землях, Георгий Конисский (1717–1795) оставил после себя обширное литературное наследие, проявив талант не только писателя-богослова, но и политика и историка. Его речь в Санкт-Петербурге на коронации Екатерины II 29 сентября 1762 г. оставалась образцом политического красноречия долгие десятилетия¹. После трех разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. взгляды Г. Конисского отразились в знаменитой формуле «Отторженная возвратих», ставшей символом возвращения России территорий Белой и Малой Руси. Осмысление прошлого этих земель последователями Г. Конисского в начале XIX в. оказалось актуальной задачей для местных интеллектуалов, главным образом из среды духовенства, причем не только православного, но и униатского.

В первой трети XIX в. мощный толчок идеям западнорусизма был дан в окружении униатского епископа Иосифа Семашко (1798–1868), инициатора Полоцкого собора 1839 г. по воссоединению белорусско-литовских униатов с Русской православной церковью. Соборный акт, подписанный 12 февраля 1839 г., позволил присоединить к православию 1,5 млн белорусских униатов и остановить процессы полонизации широких слоев белорусского общества. После упразднения унии возведенный в сан архиепископа Иосиф Семашко оказался ключевой фигурой в жизни православного населения Литвы и Белоруссии. Его деятельность по возрождению русских традиций и православия в Белой Руси опиралась на западнорусское самосознание, главным носителем которого выступало в этот период православное духовенство.

1 А.С. Пушкин в 1835 г. высоко оценил издание трудов Г. Конисского, дав ему следующую характеристику: «Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине по совершении ее коронации».

Яркий пример православного западнорусского консерватизма представляют воспоминания самого владыки Иосифа: «Я с детства имел душевное влечение к России и всему русскому. Неизмеримая Россия, связанная одною верою, одним языком, направляемая к благой цели одной волею, стала для меня лестным, великим отечеством, которому служить, благу которого споспешествовать считал я для себя священным долгом — вот сила, которая подвигла меня на воссоединение униатов, отверженных в смутные времена от величественного русского православного древа. Пламенное усердие к этому делу в течение 12 лет (1827–1839) постигло все мое существование» [Записки Иосифа...].

Определенное влияние на взгляды Иосифа Семашко оказало и его знакомство с выдающимися мыслителями-консерваторами XIX в. — Н.М. Карамзиным и А.С. Шишковым.

В культурной среде последователей владыки Иосифа (с 1852 г. — Литовского и Виленского митрополита) в середине XIX в. формируется новое направление научной и общественной мысли, позднее получившее определение «западнорусизм». Среди идейных наследников Иосифа Семашко известны многие представители западнорусского направления, в том числе историки М.О. Коялович, Г.Я. Киприанович, П.Н. Жукович, К.А. Говорский и др.

Теоретические основы западнорусизма были окончательно разработаны М.О. Кояловичем (1828–1891) — уроженцем Гродненской губернии и сыном униатского священника (одноклассника Иосифа Семашко по Главной семинарии при Виленском университете). Его работы фактически подводили итог многовековой западнорусской исторической традиции и базировались на консервативных взглядах православного историка, близкого по своим убеждениям к российским славянофилам. В 1863 г. Коялович ввел в научный оборот термин «Западная Россия» для обозначения территорий, присоединенных к Российской империи после трех разделов Речи Посполитой в XVIII в., а также в результате Тильзитского мира 1807 г. (Белостокская область). Этот научный термин дополнил официальную имперскую номенклатуру названий бывших польских областей: «Северо-Западный край», «Литовские губернии» (Виленская и Гродненская), «Белорусские губернии» (Витебская и Могилевская, позднее Минская).

Историю белорусских земель Коялович считал русской историей. Здесь, по его словам, всегда жил русский народ, а местное белорусское наречие — это «мост» между малороссийским и великорусским наречиями. Историк многократно использовал термин «белоруссы», считая их самобытной ветвью единого русского народа. Уникальность культурного феномена «белоруссов» состояла, по его мнению, в том, что Белорусско-литовские земли на протяжении нескольких столетий были полем военно-политического противостояния России и Речи Посполитой и местом столкновения католической и православной цивилизаций. Судьбы Белой Руси и ее восточного соседа всегда были неразрывно связаны. «Московская Русь, — писал историк, — это вооруженный орден по защите Запада от азиатов и западной Руси от воинствующего католицизма»

[Коялович, История...]. Высоко оценивал Коялович значение религиозной борьбы против унии в XVI — XVII вв. для развития национального самосознания жителей белорусских земель, причем важная роль в этом процессе принадлежала западнорусской полемической литературе. По словам историка, «в древней западнорусской литературе везде и во всем одно великое, объединяющее всех русских слово — Русь. Эти памятники, эта литература почти вся на таком языке — западнорусском, который был общим для всей западной России и слился потом с общерусским литературным языком» [Коялович, Чтения..., с. 24].

Для понимания идейного содержания западнорусизма важен также исторический фон, на котором происходило его становление. Значительное влияние на мировоззрение М.О. Кояловича оказали события Польского восстания 1863 — 1864 гг. и последующие реформы в белорусских губерниях генерал-губернатора М.Н. Муравьева и его соратников. Коялович был твердо убежден, что единственно возможным путем сохранения белорусов, их культуры, традиций и национального характера является возрождение западнорусского православия. Тема «обороны» ценностей русской цивилизации на западных окраинах империи стала центральной в его работах.

По словам историка В.Н. Черепицы, научная деятельность Кояловича в 1860-е годы «привела к крушению его наивных планов стать кабинетным ученым. [...] Ворвавшийся в науку из самой гущи западнорусской бурлящей жизни, он внес в нее те самые «горящие вопросы», которые превратили сухие теоретические штудии в нужные для народа и страны изыскания» [Черепица, с. 40].

Наиболее плодотворный период деятельности Кояловича как историка совпал со значительными переменами, которые произошли в российской общественной жизни и исторической науке в эпоху «Великих реформ» Александра II. Эти перемены точнее всего выразил профессор Нежинского историко-филологического института Н.Я. Аристов: в 1860-е годы, по его словам, «пал официальный запрет вести русскую историю только до Петра Великого», профессиональный интерес историков больше не ограничивался вопросом «Откуда есть пошла Русская земля?», но простирался дальше: «Куда идет Русская земля с многомиллионным своим населением?» [Аристов, с. 670, 677].

Для научных интересов М.О. Кояловича всегда было характерно обращение к наиболее актуальным вопросам современности, что многократно повышало общественную значимость его работ. Он и его последователи смогли «открыть» белорусскую историю для русского читателя, познакомить его с этнографическими и историческими особенностями белорусского народа. В российском обществе того периода даже среди людей с университетским образованием ощутило не хватало знаний о Белоруссии, а ее губернии, расположенные западнее Днепра, часто по традиции называли «польскими». Об этом почти тридцать лет спустя писал российский этнограф А.Н. Пыпин: «В это время русское общество в первый раз узнало с достоверностью об этнографическом составе западного края и получило понятие об его истории [...] Мы вдруг открыли, всего с 1860-х годов, что западный край есть край русский; поняли, что до тех пор он был

заброшен [...] Мы, русское общество, забыли о существовании Белоруссии, мы коснели в неведении о той борьбе, которая совершалась там целые века; только теперь начинаем познавать ту пользу, какая принесена была общему делу русской национальности борьбой белорусского народа за свое существование» [Пыпин, с. 22, 87, 90].

Важнейшей работой М.О. Кояловича стала «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884), заслужившая высокую оценку современников. В частности, И.С. Аксаков называл ее «превосходнейшим и крайне полезным трудом» [Цит. по: М.О.Коялович и И.С. Аксаков...]. Связь первых представителей западнорусизма с российскими славянофилами многократно подчеркивалась исследователями [Там же]. По словам М.О. Кояловича, по сравнению с другими национальными концепциями, славянофильство имеет преимущество «и в народном, и в научном смысле, и даже в смысле возможно правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации» [Коялович, История...].

Историк выступал за православные, православно-славянские начала в русской культуре, против притязаний латинства и германизма, «латино-германских начал западноевропейской жизни», призывал к изучению славянского мира, развитию межславянских связей, объединению всех славян вокруг идеи Кирилла и Мефодия и православия. Накануне «великих потрясений» XX в. М.О. Кояловичем и его последователями была фактически выработана универсальная социально-историческая концепция, не потерявшая своего значения и сегодня.

Продолжателем научных изысканий М.О. Кояловича стал историк, археограф и фольклорист П.А. Гильтебрандт (1840–1905), опубликовавший ценнейшие источники по истории Белоруссии. Ему, в частности, принадлежит обнаружение и первая публикация Туровского Евангелия (1869), древнейшего памятника славянской письменности на белорусской земле. Позднее Гильтебрандт опубликовал в «Русской Исторической Библиотеке» три тома «Памятников полемической литературы в Западной Руси», разделяя взгляды Кояловича на важность наследия западнорусских писателей-полемистов. В 1860–1870-е годы П.А. Гильтебрандт сотрудничал с И.С. Аксаковым и А.А. Краевским, публиковался в журналах «Русская старина», «Древняя и Новая Россия», в славянофильской газете «День» и других изданиях.

В пореформенные десятилетия благодаря реформам М.Н. Муравьева и его последователей в белорусских губерниях сформировалась западнорусская православная интеллигенция. Появилась целая плеяда историков, этнографов и филологов, которые изучали историю, традиции, обычаи и язык белорусов. Последние, по их убеждению, вместе с великороссами и малороссами составляли единый русский народ. Западнорусистами были созданы основополагающие труды по истории Белоруссии и Литвы, истории православной церкви, краеведению и этнографии.

Идеи западнорусизма оказывали непосредственное влияние и на российскую науку. В 1889 г. свой труд «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западно-

го края» выпустил П.Н. Батюшков. Располагая богатой источниковой базой, автор утверждал, что пространство, занимаемое западными губерниями, составляет древнее достояние России, являясь «искони русским и православным краем» [цит. по: Самбук, с. 133]. Авторитетный российский языковед, академик И.И. Срезневский в 1887 г. отмечал: «Гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором Великорусского наречия, а не отдельным наречием» [Срезневский, с. 36]. Российский этнограф и фольклорист, продолжатель трудов В.И. Даля П.В. Шейн (1826–1900) свою главную работу по этнографии белорусов опубликовал в 1887–1893 гг. под красноречивым названием «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» [Шейн].

Труды Е.Ф. Карского (1860–1931), русского филолога-слависта, палеографа и этнографа, принесли западнорусской идее прочную основу системного этнографического анализа. Выходец из семьи низших церковнослужителей Гродненской губернии, он в 1901 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Российской академии наук. Биография Карского является лучшим примером прогрессивных изменений в системе образования на западных окраинах Российской империи в ходе реформ М.Н. Муравьева и И.П. Корнилова, открывших дорогу к социальным лифтам для более широких слоев белорусского общества¹. Евфимий Карский закончил Минское духовное училище и Минскую духовную семинарию, по окончании которой он поступил в Нежинский историко-филологический институт, где изучал славяно-русскую филологию под руководством профессора Р.Ф. Брандта. В 1903 г. ученый предпринял этнографическую экспедицию по белорусским землям благодаря средствам, выделенным Виленским генерал-губернатором, князем П.Д. Святополк-Мирским. В этом же году в Варшаве был издан первый том его главного труда «Белоруссы». Современные историки считают эту работу «энциклопедией белорусоведения». В качестве критерия для идентификации белорусов ученый использовал языковой фактор. Это позволило установить, что белорусский говор достаточно определенно отличается от литовского на севере края, польского — на западе, украинского — на юге и великорусского — на востоке. Е.Ф. Карский систематизировал эти различия и составил своего рода этнолингвистическую карту фактического проживания белорусов к началу XX в., основываясь также на таких критериях, как типы одежды, фольклор, традиции и обычаи. Ученый подчеркивал, что на границах с соседями использовалось множество самоназваний и названий белорусов: литовцы и латыши именовали белорусов «гудами» («gudai», «guds»), украинцы называли своих северных соседей «литвинами». На востоке, в среде великорусов, употреблялось слово «полехи» [Карский, т. 1, с. 115, 204]. На границе с поляками белорусы называли себя исключительно «русью», хотя на других языковых границах могли употребляться и другие самоназвания [Карский, т. 1, с. 10]. Ученый подтвердил более ранние данные А.Ф. Риттиха, описавшего ситуацию на белорусско-польском по-

1 Русский общественный деятель, педагог, попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов (1811–1901) был одним из ближайших соратников М.Н. Муравьева и соавтором его реформ в Северо-Западном крае.

границе следующим образом: «все это население называет себя племенем Русь, употребляя белорусское наречие» [Риттих, с. 16].

Е.Ф. Карский обратил особое внимание, что среди различных местных самоназваний отсутствовала самоидентификация «белорус». «Простой народ в Белоруссии не знает этого названия, — пишет ученый, — на вопрос: кто ты? простолюдин отвечает: русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он «тутэйшы» (*tutejszy*) — здешний, конечно, противопоставляя себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае» [Карский, т. 1, с. 116].

На этнографической карте, составленной Е.Ф. Карским, северная граница белорусских говоров простиралась за Себеж и Невель, на западе — за Вильну, Гродно и Белосток, на юге — за Пружаны, Мозырь и Городню, на востоке — до Брянска, Дорогобужа и Ржева. Следует заметить, что на юге и юго-западе этнографическая граница Е.Ф. Карского проходила севернее современной государственной границы, в область белорусов не включены Брест и Пинск, а на востоке и северо-востоке она простирается значительно дальше вглубь России.

На начало XX в. исследователь насчитал 8,5 млн белорусов (в том числе за пределами белорусских губерний), в большинстве своем исповедовавших православие [Карский, т. 1, с. 190]. Общий вывод Е.Ф. Карского заключался в том, что белорусы есть «разновидность русского племени», хотя и с ярко выраженными национальными особенностями [Карский, т. 3, с. 396]. Язык белорусов (Карский использует термин «наречие»), по мнению исследователя, является одним из диалектов русского языка. «Белорусская речь есть одно из великорусских наречий, равносильное северновеликорусскому и южновеликорусскому» — отмечал Е.Ф. Карский в тезисах своего магистерского диспута [Карский, т. III, с. 335].

В начале XX в. взгляды Е.Ф. Карского не раз подвергались критике за их «академичность» представителями белорусского национального движения. Так, политический деятель и один из идеологов белорусского национализма Я. Лесик писал об одной из работ Карского: «Кніжка гэтая цікавая; шмат прынясе карысці кожнаму інтэлегентнаму беларусу, але, чытаючы яе, трэба памятаць, што аўтар усе яшчэ глядзіць на беларускую мову, як падмову маскоўскага языка. [...] Праф. Я.Ф. Карскі — з навукі прыхільнік маскоўскага цэнтралізму» [Цит. по: Хотеев]. («Книга эта интересная, принесет много пользы каждому интеллигентному белорусу. Но, читая ее, необходимо помнить, что автор все еще смотрит на белорусский язык как на диалект московского языка. Проф. Е.Ф. Карский — в области науки сторонник московского централизма»). Важно отметить, что язык Я. Лесика имеет мало общего с литературным языком Западной Руси XVII в., на историческое наследие которой предъявлял претензии белорусский национализм).

В целом же труды академика Е.Ф. Карского, признанного ученого, ректора Варшавского университета, 38 лет посвятившего изучению Белоруссии, придавали дополнительный авторитет западнорусскому направлению научной и общественной мысли.

Годы испытаний

После революционных потрясений 1905 г. идеи западнорусизма далеко вышли за рамки академической науки, публицистики, церковной и общественной жизни Белоруссии. В новых исторических условиях они превращаются в идейный концепт сторонников консервативных политических партий, монархических и патриотических движений, готовую идеологическую основу для российских реформаторов. На российском политическом поле в 1905–1907 гг. появляются новые силы, отстаивающие интересы монархии, общерусского единства, права русского населения на национальных окраинах и православной церкви. Реформы П.А. Столыпина в начале XX в. выводят Белоруссию на авансцену политической жизни Российской империи. Российский премьер возлагал большие надежды на западнорусскую интеллигенцию, видя в ней естественного союзника для реализации своих масштабных планов: «Твердо верю, что свет русской национальной идеи, затеплившийся на русском западе, не погаснет, но скоро озарит всю Россию» [цит. по: Бок].

Реформы 1911–1912 гг. (введение земских учреждений в Западном крае, выделение Холмской губернии из Царства Польского, реформа избирательного законодательства по выборам в Государственную Думу) учитывали значение западнорусизма как актуальной общественно-политической идеологии. Однако эти преобразования не были доведены до конца. В 1914–1917 гг. старый мир, основанный на тысячелетней русской культурной традиции в Белой Руси, рухнул под ударами революции и мировой войны. И хотя дальнейшее разрешение вопроса «куда идет Русская земля» произошло без участия представителей западнорусизма, позитивное значение этого направления трудно переоценить. На протяжении десятилетий западнорусская идея выступала альтернативой польскому культурному проекту в Белоруссии, а в начале XX в. оставалась главным фактором, сдерживающим зарождающийся белорусский национализм.

Русская революция и Гражданская война оказались историческим водоразделом, за которым наступила эпоха, на время прервавшая естественное развитие западнорусской идеи. В условиях радикализации общества, ожесточенной политической борьбы, идеологического господства левых партий ниспровергались прежние авторитеты, а еще недавно уважаемые ученые оказывались врагами нового революционного порядка. Тем не менее в период между февралем и октябрём 1917-го идеи западнорусизма оказались востребованы в бурной общественно-политической жизни белорусских губерний. Именно тогда ему впервые пришлось вступить в столкновение с разрушительными идеологиями левых и националистических партий, отстаивая государственное единство России и традиции русской культуры на белорусской земле. Хотя исход этой борьбы был предрешен, она убедительно показала, что западнорусизм в начале XX в. выступал не только в роли элитарной идеологии местной интеллигенции, духовенства и чиновничества, но имел по-настоящему народный характер и получил широкое распространение в обществе.

После Февральской революции и свержения монархии в России на территории Минской, Могилевской и Витебской губерний началось формирование белорусских политических партий и организаций. Их программные установки и политическая практика отличались региональной спецификой, вызванной особенностями национального и конфессионального состава населения, сложившимися традициями политической жизни, близостью линии фронта и другими факторами. Белорусские организации, центры которых располагались в Минске, оказались наиболее подвержены влиянию революционных идей. Созданный здесь Белорусский национальный комитет (БНК) выступал за национально-территориальную автономию Белоруссии в составе новой демократической России. Белорусские комитеты Могилевской губернии находились под влиянием западнорусизма, но постепенно эволюционировали влево, следуя общим для 1917 г. «демократическим» трендам. В Витебской губернии действовала наиболее консервативная организация — Белорусский народный союз, близкая как западнорусизму, так и общерусским патриотическим силам [Лавринович Проекты решения...].

Консолидация белорусской интеллигенции, служащих, духовенства, учащейся молодежи раньше всего началась в Могилеве. 15 апреля 1917 г. здесь был создан Могилевский белорусский комитет, объединивший несколько сотен участников [Агееў, Пушкін, с. 20]. Среди авторов программы комитета выделялся видный белорусский историк Д.И. Довгяло. Могилевский белорусский комитет поставил себе задачу сплотить белорусское население Могилевской губернии для оказания поддержки Временному правительству в борьбе с Германией и ее союзниками, настаивал на преобразовании России в демократическую республику, организации выборов в Учредительное собрание [Лавринович История... с. 133]. Позиция белорусских организаций Могилевской губернии в культурной и языковой областях формулировалась в духе западнорусизма. Например, Белорусский комитет в Орше допускал изучение белорусского языка в школе только после «его научной обработки» и по желанию местного населения. Приоритет в образовательной политике отдавался русскому языку [Рудовіч, с. 104].

В Витебской губернии западнорусская идея получила наиболее широкое распространение благодаря слабому проникновению католицизма, преобладанию русского языка и культуры. Важную роль здесь играли старообрядцы, выступавшие еще со времен революции 1905–1907 гг. как консервативная сила, ориентированная на поддержку центральных властей. В политической жизни губернии доминировали патриотические партии и организации: Всероссийский Дубровинский Союз русского народа, Отечественный патриотический союз, Всероссийский национальный союз. Одним из крупнейших на западе империи был Витебский отдел «Союза 17 октября», в состав руководства которого в разное время входили известные общественные деятели, краеведы и историки: В.В. Богданович, А.П. Сапунов, В.К. Стукалич и другие [Лавринович Проекты решения...].

Наиболее четко позицию витебских октябристов по национальному вопросу обозначил А.П. Сапунов — известный историк, археолог и краевед, активный сторонник западнорусской идеи. К 1917 г. он был признанным специалистом по белорусской

истории, много лет работавшим в Витебском отделении Московского археологического института. В одной из своих краеведческих публикаций Сапунов отмечал: «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим мы так потому, что белорусская народность — одна из основных народностей русского племени» [Сапунов Очерк... с. 28]. В то же время он поддерживал развитие у белорусов национального самосознания, полагая, что «упрочение национального среди белорусской массы, несомненно, поведет к теснейшему единению с остальной Русью» [Сапунов Белоруссия и белорусы, с. 1]. Развитие самобытных белорусских черт у местного населения не рассматривалось им как нечто противоположное идее русского единства.

Считая белорусский язык диалектом русского, А.П. Сапунов подчеркивал древность первого, утверждая, что «главнейшие особенности современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились не позже XIII в.» [Там же, с. 16]. Тем самым историк опровергал мнения о неисторичности белорусов, подчеркивая наличие у них своей истории, своеобразной общественной и культурной жизни. «Было и у нас, белорусов, золотое время, славное прошлое, — писал А.П. Сапунов, имея в виду ВКЛ, — каково же будет наше будущее — это уже, в значительной степени, в наших руках и зависит от нашего сознательного отношения к нашему долгу перед дорогой родиной» [Там же, с. 20]. Витебские октябристы во главе с А.П. Сапуновым ратовали за объединение белорусов с целью создания силы, способной противостоять как сепаратистским устремлениям поляков, литовцев, латышей, так и автономистским тенденциям белорусских левых партий [Там же].

Белорусское движение в Витебске в феврале — октябре 1917 г. оказалось в наибольшей степени подвержено влиянию идей западнорусизма и было более консервативным, чем в Минской и Могилевской губерниях.

Так как после Февральской революции «Союз 17 октября» фактически прекратил свою деятельность, бывшие руководители его Витебского отдела в апреле — мае 1917 г. создали Белорусский народный союз (БНС). Будущее Белоруссии виделось его лидерам в широком областном самоуправлении при тесном единении с Россией. В программе союза отмечалось: «Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную национальную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться по преимуществу в руках самих же белорусов» [Лавринович Деятельность... с. 264].

Белорусский народный союз сосредоточил свои усилия на отстаивании интересов прежде всего православного белорусского населения и православной церкви. В июне 1917 г. БНС организовал в Витебске съезд представителей белорусских общественных организаций, в основном «западнорусской» направленности. Присутствовали де-

легаты петроградского Западно-Русского общества, гомельского Союза белорусской демократии, могилевского Белорусского комитета, московской Белорусской народной громады, православного духовенства и старообрядцев. Съезд принял декларацию в духе программы БНС, потребовав областного самоуправления для Белоруссии и осудив принцип национально-территориальной автономии как сепаратистский [Там же, с. 266].

В Гомеле в мае — июне 1917 г. был образован Союз белорусской демократии. Эта организация возникла под руководством белорусского политика П.В. Коронкевича, эвакуировавшегося из Вильно. Программа союза представляла собой, по сути, модернизированный вариант платформы сторонников «областного самоуправления». Исторические и политические взгляды Коронкевича отличались своеобразием и формулировались в русле западнорусской идеи. Положительно характеризовалось Великое княжество Литовское, давшее начало белорусской народности, и, наоборот, крайне негативная оценка давалась Речи Посполитой, с которой связывались полонизация элиты, религиозный и национальный гнет [Лавринович Проекты решения...]. «Продолжительный период застоя культуры белорусской сделал то, что белорусы в конце концов утратили свое национальное самосознание и начали определять себя термином «тутэйшій»», — утверждал П.В. Коронкевич [Коронкевич, с. 5].

Важно отметить, что возрождение белорусов политик связывал с русской культурой и языком. «Те белорусы, которые ставят своей целью отделение Белоруссии от России, указывая на самостоятельность своей культуры и языка, [...] не могут быть серьезными тормозами в единении свободной Белоруссии со свободной Великой Россией», — писал П.В. Коронкевич, указывая на белорусские организации, консолидированные вокруг минского БНК. Задача белорусской интеллигенции, считал он, заключается в работе по объединению белорусов, великорусов и малорусов в одну «несокрушимую народность русскую». Подчеркивая значение русской культуры, политик утверждал, что А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и другие русские писатели должны рассматриваться как культурные деятели, общие для всех восточных славян [Коронкевич, с. 7].

В политической сфере Союз белорусской демократии отстаивал целостность территории Белоруссии с г. Вильно в качестве ее главного культурного центра, добивался самоуправления края в рамках демократической России. В области народного просвещения предполагалось расширить сеть начальных и средних школ, открыть университет, ввести бесплатное обучение, но только на русском языке. Для поднятия авторитета союза его лидеры смогли заручиться поддержкой академика Е.Ф. Карского. Летом 1917 г. он одобрил программу союза, указав лишь на возможность применения белорусского языка в начальной школе, изучение его в средних и высших учебных заведениях Белоруссии. П.В. Коронкевич согласился с мнением академика, и в программу союза были внесены изменения [Лавринович Проекты решения...].

Белорусские общественные организации Витебска, Гомеля и Могилева отстаивали идею Учредительного собрания и активно проводили предвыборную агитацию. Их

целью было заручиться поддержкой широких народных масс, главным образом православно-белорусского населения, не желавшего участвовать в национальных проектах радикального толка. Следует подчеркнуть, что идеи западнорусизма в этот период полностью соответствовали ментальности белорусского крестьянства, в основном и составлявшего к началу XX в. белорусский этнос. Радикальная белорусская интеллигенция, увлеченная борьбой с литовским и польским национальными проектами, после февраля 1917 г. не смогла завоевать популярность в крестьянской среде. Националистическая идеология, сформировавшаяся главным образом в Вильно и перенесенная на белорусскую почву, оказалась менее востребована, чем лозунги широких социальных преобразований. Тем не менее создать новую демократическую Белоруссию, основанную на общерусской культуре при сохранении политического единства с постреволюционной «свободной Россией», не удалось.

Разгон большевиками I Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. положил конец любым попыткам имплементации «западнорусской идеи», равно как и других идей умеренных белорусских политических партий и организаций.

Всебелорусский съезд, в работе которого приняли участие более 1800 делегатов, проходил в Минске 5–18 декабря 1917 г. По мысли организаторов, он должен был объединить усилия всех белорусских политических сил и создать в регионе «твердую краевую власть». Съезд продемонстрировал самый широкий спектр мнений — от полного отрицания белорусского вопроса до идеи федерации и широкого местного самоуправления. Белорусское крестьянство, представленное подавляющим большинством делегатов, выступило категорически против любых попыток «оторвать Белоруссию от России». В работе съезда участвовал академик Е.Ф. Карский. Наблюдая борьбу мнений относительно политического будущего Белоруссии, ученый открыто вступил в полемику с наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным, разговор с которым по прямому проводу был зачитан на общем собрании съезда. Говоря о судьбе белорусского вопроса, Карский протестовал против предложенного Сталиным референдума как способа самоопределения, поскольку в большинстве белорусских регионов национальное самосознание у населения полностью отсутствовало. Академик совершенно справедливо полагал, что белорусы-католики при проведении такого референдума будут самоидентифицироваться как поляки, а общество в целом не готово к подобного рода экспериментам. Было ясно, что со стороны Совнаркома это была попытка привлечь белорусов самыми широкими обещаниями национальной свободы, «самоопределением вплоть до отделения», без выдачи каких-либо гарантий. Кроме того, академик обращал внимание на потенциальную опасность расположенных в Белоруссии польских национальных частей (1-й Польский корпус генерала Ю. Довбор-Мусницкого), которые, в отличие от большевиков, не утратили боеспособность и могли помешать свободному самоопределению на местах. Однако все его предупреждения остались без ответа.

После разгона съезда большевиками 18 декабря 1917 г. умеренные оппоненты советской власти автоматически перешли на нелегальное положение, что означало радикализацию сторон и используемых ими методов политической борьбы. Широкая

дорога открывалась для местного национализма, отвергнувшего идею автономии, а затем и федерации с Россией и провозгласившего 25 марта 1918 г. в Минске Белорусскую Народную Республику. Неудача этого проекта объяснялась отсутствием интереса к политическим формам белорусского национализма со стороны германских оккупационных властей, построивших на захваченных ими белорусских землях свой собственный военный режим. Народ Белоруссии в ходе этих событий фактически перестал быть субъектом политики. Общественные деятели, стоящие на консервативных белорусских позициях, были вынуждены либо изменить свои взгляды на более радикальные, либо покинуть политическое поле.

Поражение Германии и завершение мировой войны осенью 1918 г. возвратило инициативу в белорусском вопросе в руки большевиков. Западнорусизм исчез из политической повестки надолго, а при определении будущего Белоруссии в 1919–1921 гг. господствовали совсем другие идеологические установки и политические соображения. «Буферная республика», как определял в 1919 г. статус БССР В.И. Ленин, возникла в форме советской белорусской государственности [Короткова, с. 123]. Ее повторное провозглашение состоялось в июле 1920 г., в переломный момент Советско-Польской войны, по окончании которой территория Белоруссии оказалась разделена между РСФСР и Польской Республикой [Куницкий, Шумский, с. 194].

Тем не менее в период советско-польского конфликта западнорусизм получил уникальную возможность напомнить о своей важной роли в деле противостояния польской культурной экспансии. Хорошо известно, что большевики в это время активно привлекали к сотрудничеству «старых специалистов» дореволюционной школы, причем не только дипломатов и военных. По инициативе главы НКВД Г.В. Чичерина в работе Рижской мирной конференции принял участие ученик В.О. Ключевского, выдающийся историк М.К. Любавский, взгляды которого тесно смыкались с положениями западнорусской идеи. К началу 1920-х годов Любавский был признанным специалистом по истории белорусских и украинских земель в составе «Литовско-Русского государства» (так историк именовал ВКЛ). Последнее, по его мнению, было прямым продолжателем традиций Киевской Руси. Научные взгляды Любавского, отстаивавшего непрерывность русской культурной традиции на землях Белоруссии и Украины, в 1920 г. неожиданно приобрели практический смысл. После того как польская сторона в Риге выдвинула требование возвращения культурных ценностей, закрепленное в ст. IX мирного договора с РСФСР, М.К. Любавский вошел в состав совместной советско-польской комиссии по реституции, образованной в октябре 1920 г. [Гернович, с. 204]

Заметным явлением в работе конференции стала докладная записка М.К. Любавского «О положении русской исторической науки ввиду выделения архивов Польше» (1921). Историк удалось не только доказать необоснованность польских претензий и расширенного толкования польского культурного наследия, но и добиться практического результата, благоприятного для культурного наследия Белоруссии и России. Позиция М.К. Любавского заключалась в обосновании несправедливости статей Рижского мира, согласно которым наследие ВКЛ объявлялось культурным достоянием

Польской Республики. В докладной записке ученый указывал, что для отождествления архива с культурной ценностью государства необходимо руководствоваться принципом территориального происхождения. Исторические документы, созданные на территории Белоруссии, не могли быть польским культурным наследием, хотя и относились к эпохе Польско-Литовского государства. Практическим итогом деятельности М.К. Любавского явилась невыдача документов так называемой Литовской метрики (XV — XVIII вв.) польской стороне в процессе реализации Рижского мирного договора в 1921 г. Сегодня данные документы являются одним из важнейших источников по истории Белоруссии периода ВКЛ.

Эпизод с реституцией польских ценностей показал, что идея политического и культурного единства Западной Руси с остальной Россией в 1920–1921 гг. обрела практический смысл для советской стороны и позволила одержать важную тактическую победу в советско-польском историческом споре. В 1926 г. в том же ключе М.К. Любавский полемизировал с украинскими историками Д.И. Багалеем и В.А. Барвинским о возвращении архивов Украинской ССР. Этот конфликт, совпавший с процессами «национализации» советской науки, стал во многом предшественником современных споров о реституции.

В целом исторический опыт 1920-х годов оказался для советской науки достаточно плодотворным. Немногие уцелевшие историки-западнорусисты, на время забыв о политических разногласиях, встали на путь сотрудничества с советской властью. Благодаря их самоотверженному труду удалось сберечь немалую часть культурно-исторического наследия России и Белоруссии, организовать работу советских архивных учреждений, сохранить ценные источники белорусской и общерусской истории.

Однако за пределами вопросов организации архивного дела и реституции идеи западнорусизма в 1920-е годы не имели шанса на практическое воплощение. Историческая наука находилась под влиянием марксистской «школы М.Н. Покровского», прежние подходы российских историков были признаны безнадежно реакционными, а их авторы часто получали ярлык «великодержавных шовинистов».

Особенно сложным оказалось положение «патриарха» белорусоведения академика Е.Ф. Карского. После ареста органами ВЧК в Минске в 1919 г. историк был вынужден покинуть должность профессора в Минском педагогическом институте как специалист с «неблагополучной политической физиономией». С 1921 г. Е.Ф. Карский работал в Петрограде, где в этом же году была опубликована вторая часть третьего тома его фундаментального труда «Белорусы. (Очерки словесности белорусского племени. Старая западно-русская письменность)». В этом издании содержался обзор самобытной западнорусской литературы, существовавшей в Белой Руси с момента зарождения ярких особенностей ее языка и культуры. В работе рассматривались религиозные и светские литературные памятники, сочинения исторического содержания, поэтические произведения. Автор давал характеристику западнорусских летописей, мемуаров, памятников юридического характера, стихотворчества, особенно уделяя внимание полемике с латинством и полонизмом [Карский].

В 1920-е годы продолжился научный спор академика Е.Ф. Карского с представителями белорусского национализма. Актуальность этого спора определялась тем, что перешедшие на «советскую платформу» представители белорусского национального движения заняли лидирующие позиции в Наркомпросе БССР, Белорусском государственном университете и Белорусской Академии наук. С 1923 г. в Белоруссии проводилась активная кампания по «белорусизации», осуществляемая в рамках общей для СССР политики «коренизации» государственного аппарата, культуры и образования в национальных республиках. В этих условиях достаточно смелым шагом стала рецензия Е.Ф. Карского на работу В.У. Ластовского «История белорусской книги» (1926), опубликованная в немецком научном журнале. Подвергнув разгромной критике «кривичскую концепцию» родоначальника белорусского мифа В.У. Ластовского, Карский указывал на недопустимость «удревнения» белорусской истории и отождествления кривичей с современными белорусами. «Допущенные автором ошибки, — отмечал академик, — произошли больше вследствие ложного основания, на которое он опирался, имея в виду возвеличить свою страну и ее культуру в прошлом, доказать, что по богатству своих памятников она занимает первое место в восточном славянстве» [Рецензия, с. 105]. Е.Ф. Карский приходил к выводу, что работа Ластовского представляет собой «кустарное производство не специалиста, вышедшее из рук лица, владеющего обширным материалом, но не умеющего использовать его рационально» [Там же].

Историк критически оценивал весь опыт белорусизации в БССР середины 1920-х годов. В отчете о научной командировке в Чехословакию и Югославию (через Польшу) в 1926 г. Е.Ф. Карский не только осмелился назвать Львов «старым русским городом», но и дал негативную оценку последствий белорусизации в Минске и других белорусских городах. По словам ученого, в белорусской столице «все говорят обыкновенно на русском союзном государственном языке, что и естественно для лиц, воспитанных на общерусской культуре». В государственных же учреждениях шла усиленная белорусизация и уже был назначен последний срок, когда все служащие, не перешедшие на белорусский язык, подлежали увольнению. Нерациональность советской языковой политики в БССР была для Карского очевидна, т.к. проводимые советской властью мероприятия фактически тормозили государственное и культурное развитие республики. Ученый задавался вопросом: «Можно ли насильно заставить лиц, воспитанных в русской культуре, прекрасно знающих русский литературный язык и хорошо понимающих народный белорусский язык, изучить новые термины, созданные искусственно, больше в подражание польским, только бы они отличались от русских! А ведь эти лица, выбрасываемые из своей родины за пределы Белоруссии, хорошие работники. Напрасно их запугивают названием черносотенцев: они так же преданы интересам государства и родины, а иногда еще и более, чем лица, говорящие по принуждению по-белорусски» [Из отчета о командировке... с. 98].

Развивая свою мысль, академик проводил параллель между действиями советских властей и планами Юзефа Пилсудского и его соратников, в том числе главного «специалиста» по белорусскому вопросу Леона Василевского, в 1920 г. Именно тогда создание независимой и культурно отличной от России Белоруссии составляло основу сотруд-

ничества польских оккупационных властей и белорусского национализма. Надежды последнего «жить счастливо» (без России) и убеждение, что «белорус пойдет рука об руку с тем, кто в наиболее решающую минуту окажет ему помощь», оказывались, по мнению Е.Ф. Карского, опасными проявлениями местного сепаратизма [Там же].

Критические замечания Е.Ф. Карского — ученого дореволюционной формации с мировым именем, основанные на исторических фактах, не могли остаться без ответа со стороны официальной советской науки. Его дальнейшая деятельность в рамках советских академических учреждений оказалась невозможной. После увольнения Карского с поста директора Музея антропологии и этнографии в 1929 г. последовали репрессии в рамках «академического дела», фактически покончившие с западнорусизмом как актуальным направлением научной и общественной мысли.

Национальный миф и его авторы

Особенностью становления белорусской национальной идеи было сравнительно позднее ее оформление и проникновение в общественную и интеллектуальную жизнь Северо-Западного края. Местная радикальная интеллигенция достаточно долго находилась под влиянием польской культурной среды и разделяла польское самосознание. Представления о белорусском народе как об одном из «трех русских народов» вызревали медленно и поначалу зависели от достижений общерусской науки в области истории, этнографии и филологии.

В отличие от украинской национальной идеи, впервые сформулированной деятелями Кирилло-Мефодиевского братства в Киеве (1846–1847 гг.), белорусская идея с трудом пробивала себе дорогу среди местной полонизированной шляхты, духовенства и разночинцев. Не стала преимуществом белорусской идеи и ее несомненная связь с украинским национальным проектом, хотя в дальнейшем представители обоих течений часто рассматривали друг друга в качестве союзников.

Так, Н.И. Костомаров, один из основателей Кирилло-Мефодиевского братства, в 1861 г. опубликовал в Санкт-Петербурге в журнале «Основа» программную статью под символическим названием «Две русские народности». В ней ученый сформулировал свой взгляд на различия между великорусской и «южнорусской» (малорусской) народностями, признав за ними и определенные «начала единства». «Федерализм» Костомарова едва ли мог выступать в качестве теоретической базы для белорусской национальной идеи: «Оказывается, что русская народность не едина; их две, а кто знает, может быть их откроется и более, и тем не менее они — русские» [Костомаров, Две русские народности, с. 33].

В умах малорусской интеллигенции середины XIX в. господствовали представления, согласно которым белорусы были лишь одной из этнографических групп русского народа, хотя и со своими особенностями.

Соратник Костомарова по Кирилло-Мефодиевскому братству П.А. Кулиш (1819–1897) спустя годы после основания этого тайного общества написал стихотворение «Национальный идеал». В нем известный историк, поэт и этнограф, создатель украинского алфавита пересмотрел радикальные взгляды своей молодости. Заняв общеимперские позиции, Кулиш призывал к созданию союза «трех братских народов» под властью российского императора:

- «Топімо ж у Дьніпрі ненависть братню дику,
- Спорудьмо втрех одну імперію велику,
- И духом трех братів освячений диктатор,
- Нехай дає нам лад свободи імператор» [Кулиш].

Под «третьим» славянским народом Кулиш подразумевал исключительно поляков, белорусский элемент в его архитектуре славянского братства не упоминался.

Филолог, фольклорист и историк М.А. Максимович (1804–1873) неоднократно обращался к теме Белоруссии в своих работах. В книге «Откуда идет Русская земля по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским» (Киев, 1837) ученый дал следующую характеристику «русских славян»: «между восточными или Русскими Словенами я различаю: 1. Руссов северных, к коим принадлежат Велико-руссы или собственно так называемые Русские и Белоруссы. 2. Руссов Южных или Украина-Галицких» [Максимович]. Нетрудно заметить, что такая классификация почти полностью совпадала с позднейшей концепцией «двух русских народностей» Н.И. Костомарова.

В то же время вклад российских историков (включая выходцев из малорусской среды) в зарождение белорусского национального мифа не следует недооценивать.

Н.И. Костомаров оказался у истоков «племенной концепции», установив связь между славянскими племенами эпохи Нестора и результатами позднейших этноязыковых процессов на территории Малой и Белой Руси. По мнению историка, различия великорусов и малорусов были унаследованы ими от разных групп славянских племен («княжений»), упомянутых в «Повести временных лет». Предками белорусов, согласно схеме Костомарова, являлись летописные кривичи, а их этнографические особенности объяснялись ученым довольно просто: «Где были кривичи, там ныне белорусы» [Костомаров, Исторические монографии..., с. 29].

В отличие от Н.И. Костомарова, М.А. Максимович выдвигал несколько иную версию. Согласно его данным, древнее имя кривичей унаследовали не белорусы, а русские: «Так Латыши называют Кревами не одних Белоруссов, но и всех Русских, потому что Кривичи, были к ним ближайшие» [Максимович]. Это верное замечание историка подтверждают и современные исследования. В современном латышском языке «русский» до сих пор обозначается словом «Krievu», а «Россия» — «Krievija». В языке латгальцев, ближайших соседей белорусов, «русские» — «Kriivi», что говорит о более широком историческом наследии кривичей, далеко выходящем за рамки белорусской эт-

нической территории [Жих, с. 10; Иванов, с. 426]. Что же касается Н.И. Костомарова, его можно считать одним из предшественников «кривичской концепции», популярной в белорусской историографии 1920-х годов.

Различия взглядов Костомарова с будущими националистическими концепциями также хорошо заметны. Под белорусами историк понимал только жителей той территории, которая в первой половине XIX в. называлась «Белой Русью»: Витебская и Могилевская губернии вместе с западными районами Смоленщины. Эти земли действительно были близки к территории расселения кривичей согласно «Повести временных лет» [Носевич, Белорусы..., с.11]. Последователи идей Костомарова в начале XX в. расширили понятие «Белоруссия», включив в него территории, расположенные к югу и юго-западу от зоны расселения кривичей, в частности, Полесье.

Не менее важными оказались взгляды российских ученых на языковые особенности белорусов. М.А. Максимович в своей «Истории древней Российской словесности» (Киев, 1839) утверждал, что белорусское наречие — самостоятельный язык, который занимает «середину» между великорусским и малорусским наречиями. Эту точку зрения позднее оспаривал академик Евфимий Карский [Карский, т. 1, с. 209].

Наиболее разработанную версию происхождения белорусов выдвинул на рубеже XX в. А.А. Шахматов. Ученый признавал разделение племен «Повести временных лет» на три группы говоров (северную, среднюю и южную), причем эти группы испытали нивелирующее взаимовлияние в эпоху Киевской Руси [Носевич, Белорусы..., с. 12]. Формирование восточнославянских народов, согласно Шахматову, состоялось в более позднюю эпоху, после нашествия монголов в XIII в., в рамках новых государств — Московского и Литовского. В частности, белорусская народность сложилась на базе западной ветви среднерусской группы говоров благодаря политической изоляции от восточных и северных говоров, эволюционировавших в направлении русского языка [Шахматов, с. 324]. Шахматов установил, что границы между белорусскими и малорусскими (а также среднерусскими) говорами совпадали с границами феодальных княжеств XIII–XIV вв., подчеркнув тем самым роль политического фактора в формировании белорусов.

Теоретические изыскания российских ученых, изучавших малорусскую и белорусскую национальную самобытность в конце XIX в., стали базой для деятелей белорусского национального движения.

Впервые идея самостоятельности белорусского народа была выдвинута народнической группой «Гомон», действовавшей среди белорусских студентов в Санкт-Петербурге в 1880-е годы и находившейся под определенным влиянием аналогичных украинских групп. Эту нелегальную организацию, выпускавшую одноименный журнал, возглавил А. Марченко, близкий друг И.И. Гриневицкого, уроженца Минской губернии, убившего императора Александра II.

Народничество в этот период оказалось одним из самых популярных направлений оппозиционной общественной мысли в Российской империи. Идеологически оно основывалось на теории аграрного социализма, разработанной А.И. Герценом и Н.Г. Чернышевским. Народническое движение в белорусских губерниях было идейно и организационно связано с общероссийским, а создатели «Гомона» претендовали на роль руководящего центра для подобных организаций Северо-Западного края. Среди известных российских народников 1870-х годов многие были уроженцами белорусских губерний (Н.К. Судзиловский, И.И. Гриневицкий, Г.П. Исаев, Е.К. Брешко-Брешковская, А.О. Бонч-Осмоловский).

Политическим идеалом участников «Гомона» была новая республиканская Россия, свободная от «социального и национального угнетения», построенная на основе федерации равноправных автономных областей. В первом номере журнала «Гомон», вышедшем в 1884 г., его авторы утверждали: «Мы — белорусы и должны бороться за местные интересы белорусского народа и федеративную автономию страны. Мы — революционеры, потому что, разделяя программу борьбы «Народной воли», считаем необходимым принять участие в этой борьбе; мы — социалисты, ибо нашей главной целью является экономическое улучшение страны на основе научного социализма» [Гомон]. Пределом мечтаний участников группы была автономия Белоруссии («Северо-Западного края») в составе будущей Российской республики.

«Украинский след» в идеологии «Гомона» прослеживается в идее федеративного устройства будущего государства, заимствованной из работ историка М.П. Драгоманова (1841–1895). В дальнейшем между украинской и белорусской национальными идеями обнаруживается немало общего.

Подобно украинской, белорусская интеллигенция, утверждавшая идею национальной самобытности белорусов, в начале XX в. все чаще обращается к истории для более прочного обоснования своих взглядов. Необычную интерпретацию белорусской истории в 1910-е годы предложил деятель белорусского национального движения В.У. Ластовский (1883–1938). Его идеи интересны как пример эволюции «племенной концепции» Н.И. Костомарова. Уже в X в., утверждал Ластовский, белорусы представляли собой полностью сформировавшийся народ, который выступает в источниках под именем «кривичи». Что же касается других племен «Повести временных лет» (дреговичи, древляне, радимичи, вятичи), то они, согласно Ластовскому, представляли собой отдельные ветви единого «кривского племени». Таким способом В.У. Ластовский уходил от противоречия с данными этнографии, по которым летописные кривичи занимали лишь часть белорусской этнической территории. Именно племенные особенности были, по его мнению, ключевыми в образовании белорусского («кривского») народа, а все вторичные воздействия (вхождение в состав Руси, принятие христианства, литовское, а затем польское и российское владычество) лишь размывали чистоту древнего этноса, которую надлежит, по мере возможности, сохранить и возродить.

Взгляды Вацлава Ластовского на историю белорусского народа трудно назвать научными. Не имея систематического исторического образования, он впервые попытался изложить свою концепцию в брошюре «Кароткая гісторыя Беларусі», изданной в 1910 г. в Вильно под псевдонимом «Власт». Эту работу можно считать, с некоторыми оговорками, первым опытом белорусской национальной историографии [Носевич, Проблемы образования..., с. 39]. В ней Ластовский некритически воспринял генеалогические легенды и хроники XVI в., разбавляя их собственными домыслами наряду с достоверными фактами [Там же]. Автор попытался установить связь между древним Полоцким княжеством и формированием Великого княжества Литовского для обоснования «премственности» белорусской истории.

По мнению Ластовского, уже в XII в. на престоле в Полоцке появляются литовские князья. А «в 1230 г. литовский князь Рингольд напал на белорусские земли и завоевал их». Основатель Литовского княжества Миндовг объявляется сыном и законным наследником Рингольда. Тем не менее, «когда Миндовг сел на великокняжеском престоле в Новогрудке и укрепился в землях Смоленской, Витебской, Друцкой, тогда и Полоцкое княжество с Витебском и другими уделами потеряли свою независимость». Общий характер формирования государственности на белорусских и литовских землях, согласно Ластовскому, выглядел так: «Мало-помалу из Белорусских земель сложилось новое государство — княжество Литовско-Русское. Литовские князья, укрепившись сперва в Полоцке, принимали христианство и роднились с Белорусскими и Южно-Русскими князьями» [Ластоўскі, Кароткая гісторыя Беларусі, с. 13–17].

В окончательном виде историческая концепция Ластовского была сформулирована в предисловии к изданному им в 1924 г. «Подручному русско-кривскому (белорусскому) словарю». Отметим, что В.У. Ластовский очень долго не мог определиться с собственной самоидентификацией и в качестве названия белорусов предлагал использовать термин «кривичи», как исторически более верный для белорусской территории. Но этот вариант не встретил поддержки его коллег. Политически нейтральный термин «белорусы», введенный оппонентами В.У. Ластовского — историками и этнографами «западнорусской» школы, надолго закрепился за населением Белой Руси.

После революционных потрясений 1917–1920 гг. белорусская национальная идея вступила в новую фазу. За неудачной попыткой провозглашения белорусской государственности в форме БНР в марте 1918 г. последовал более удачный опыт советской белорусской государственности. Значительная часть деятелей белорусского национального движения после окончания Советско-польской войны признала советскую власть и активно сотрудничала с ней для строительства новой Белоруссии. Это позволило завершить институциональное оформление белорусской исторической школы. Ее становление относится к началу 1920-х годов, когда под контролем советской власти на восточной части белорусских земель была образована БССР. Наиболее видными представителями национальной школы стали историки В.М. Игнатовский (1881–1931), М.В. Довнар-Запольский (1867–1934) и В.И. Пичета (1878–1947).

Нарком просвещения БССР Всеволод Игнатовский по праву считается основоположником белорусской национальной историографии. Первый руководитель Института белорусской культуры, а впоследствии — президент Белорусской академии наук и директор Института истории АН БССР отстаивал достаточно радикальную версию белорусского прошлого. Ученый впервые сформулировал свои взгляды в популярной книге «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі», написанной в 1919 г. Эта работа позднее неоднократно переиздавалась. На протяжении 1920-х годов «Краткий очерк» Игнатовского играл роль школьного учебника истории и способствовал трансляции научных представлений ученого в массы. Именно В.М. Игнатовскому принадлежит идея разделения истории Беларуси на 5 периодов:

1. Полоцкий период (IX–XII вв.);
2. Период Великого княжества Литовского (XIII–XVI вв.);
3. Польский период (XVI–XVIII вв.);
4. Российский период (XVIII–XX вв.);
5. Советский период (с 1917 г.).

Схема Игнатовского была принята большинством коллег историка, разделялась представителями зарубежной национальной историографии и до сих пор представлена в белорусских школьных учебниках.

Игнатовский оказался у истоков создания «литвинской концепции», одним из первых указав на «белорусский» характер Великого княжества Литовского. По мнению историка, народ «литвинов» имел балтское происхождение, а в ВКЛ были представлены как славянский, так и балтский элементы. Последний сыграл важную роль в формировании ВКЛ, когда литовский князь Миндовг, «пользуясь тем общим переполохом, который произвели на Руси татары, [...] захватывает так называемую Черную Русь». Историк подчеркивал, что «таким способом Миндовг создал государство, которое с самого начала было не просто литовским, а литовско-белорусским» [Ігнатоўскі, с. 73]. «Единство и согласие между литовским и русским элементами государства зависели от того, что Литовско-Белорусское государство было построено больше путем согласия, чем путем угнетения и войны», — утверждал Игнатовский [Там же, с.81].

Таким образом, в отличие от дореволюционных исследователей, Игнатовский именвал ВКЛ «Литовско-Белорусским» государством, активно использовал термины «белорусские князья» и «белорусские земли».

Первый ректор Белорусского государственного университета В.И. Пичета придерживался более осторожных взглядов на белорусскую историю. Его идеи были впервые высказаны в двух работах: «История Литовского государства до Люблинской унии» (1921) и «Гісторыя Беларусі» (1924). Согласно взгляду В.И. Пичеты (уроженца Полтавы, публиковавшего свои работы на белорусском языке), Полоцкое княжество не рассматривается как отдельный период белорусской истории. Белорусский язык сформировался лишь в XIV в. в рамках Великого княжества Литовского. Автор утверждал, что ВКЛ было «Литовским государством», включавшим в себя и белорусские земли. С дру-

гой стороны, древний Смоленск, по мнению историка, являлся «главным очагом белорусского просвещения», а его жители разговаривали на «смоленско-полоцком диалекте» [Пічэта, с. 99]. Это еще более запутывало и без того сложную картину этногенеза белорусов.

Пичета основывался на трудах своего учителя, бывшего ректора Московского университета М.К. Любавского (1860–1936) — признанного специалиста по истории Великого княжества Литовского и одного из авторов трактовки ВКЛ как «Литовско-Русского государства». Однако термин «русский» в 1920-е годы прочно ассоциировался с дореволюционной Россией и упреками в «великодержавном шовинизме», что делало его применение нежелательным в научных публикациях.

Одной из первых попыток изложить научные представления о зарождении государственности Белоруссии можно считать работу М.В. Довнар-Запольского «Асновы дзяржаўнасці Беларусі» изданную в 1919 г. У автора была вполне конкретная цель — дать обоснование попыткам провозгласить Белорусскую Народную Республику, принятым в 1918 г., и добиться ее международного признания. Ученик «патриарха» украинской историографии В.Б. Антоновича и профессор Киевского университета, Довнар-Запольский к 1919 г. был признанным ученым, хотя белорусская тема не была основной в его исследованиях. По мнению современных белорусских историков, научные взгляды Довнар-Запольского сформировались под влиянием идей его коллеги М.С. Грушевского — автора концепции «украинско-русской народности», который неоднократно подчеркивал роль восточнославянского компонента в истории ВКЛ [Носевич, Проблемы образования..., с. 39].

В своей работе Довнар-Запольский выдвинул теорию древней белорусской государственности, представленной Полоцким и Туровским княжествами, а позднее Великим княжеством Литовским. Образование государства на белорусских землях, согласно Довнар-Запольскому, произошло ненасильственным, мирным путем, что наводило на важную мысль о культурно-исторических различиях белорусов и их соседей: «Когда Литва подчиняла себе белорусские княжества, то на ее стороне была военная сила. Но литовцы и соседние белорусские княжества были хорошо знакомы друг с другом в результате прежних отношений. Отношения эти были больше мирного характера, чем враждебного. Поэтому русское население охотно подчинялось власти литовских князей, которые брали под свою охрану от сильных соседей и прекращали междоусобную борьбу. [...] В результате литовцы появились не как завоеватели, а как элемент, который вносил определенный прочный правопорядок в народную жизнь. Само объединение Литвы и Руси являлось результатом не завоевания, но добровольного подчинения белорусских областей Литве» [Доўнар-Запольскі, с. 9].

Говоря о ранней белорусской истории, ученый значительно расширил представление В.У. Ластовского о предках белорусов. Белорусский этнос, согласно Довнар-Запольскому, сформировался не только на основе кривичей, но и соседних славянских племен — дреговичей и радимичей. Позднее их этнические особенности привели

к возникновению феномена белорусов как отдельного восточнославянского народа, обладавшего «суверенными правами» и государственностью [Там же, с. 8–9].

Теория Довнар-Запольского (так называемая кривичско-дреговичско-радимичская концепция формирования белорусской нации) была популярна в ранние годы становления советской Белоруссии. Идеи ученого временно потеряли актуальность в 1930–1940-е годы в связи с возникновением концепции «древнерусской народности», но после распада СССР вновь были востребованы белорусской национальной историографией.

В 1929 г. в Минске была опубликована книга основоположника белорусского национального дискурса А.И. Цвикевича «Западнорусизм. Очерки из истории общественной мысли в Беларуси в XIX и начале XX века». Именно в этой работе впервые содержалась попытка дать определение западнорусской идее и подобрать для нее подходящее название. Может показаться странным, но термин «западнорусизм» первыми применили его идеологические противники. С помощью новой наукообразной политической терминологии Цвикевич публично информировал советские органы, что «западнорусисты», то есть белорусы, обладающие русским самосознанием, не являются подлинными белорусами. Более того, русское самосознание делало их внутренними врагами «белорусской нации», а следовательно, и советской власти, которая в данный период активно конструировала эту нацию с помощью политики белорусизации. Уже тогда в нарождавшемся дискурсе белорусского национализма, действующего в советских формах, белорусы представляли как народ, принципиально отличный от русских в историческом, этническом и культурном отношении. Весьма сходными с практикой современного национализма были и методы Цвикевича: в публичной форме поставить перед властью вопрос об опасности идеологии своих противников и расправиться с ними, не прибегая к академической дискуссии.

По утверждению А.И. Цвикевича, под «западнорусизмом» следует понимать течение в истории белорусской общественной мысли, в соответствии с которым Белоруссия не является страной с особой национальной культурой и не имеет в связи с этим права на самостоятельное культурное и политическое развитие. Белоруссия культурно и государственно составляет часть России и поэтому должна рассматриваться как один из ее составных элементов. «Представители этого течения стремились доказать, что Белоруссия, или «Западная Россия», нераздельно связана с целым — «единой великой Россией» и что белорусы как одно из славянских племен органично входят в состав «единого русского народа», — утверждал автор [Цвiкeвiч, с. 7].

Это определение стало базовым для белорусских историографии и публицистики, в той или иной степени выступавших с критикой западнорусизма. По мнению современного белорусского историка А.Ю. Бендина, данное определение ни в коей мере нельзя считать научным. А.И. Цвикевич представил лишь ангажированную критику «западнорусской идеологии», исходя из априорного представления о безусловном преимуществе национального самоопределения и отдельной белорусской государственности [Бендин]. Абсолютно неверным представляется суждение Цвикевича о за-

паднорусизме как идеологии, отрицающей культурную уникальность белорусов. Самобытность белорусской культуры, историчность белорусов как народа многократно подчеркивались ведущими сторонниками западнорусской идеи, в том числе М.О. Кояловичем, Е.Ф. Карским, Е.Р. Романовым, А.П. Сапуновым и др. Более того, собранный этими учеными богатый исторический и этнографический материал в начале XX столетия лег в основу белорусского национального мифа¹.

Нациецентризм Цвикевича стал единственной оптикой, доступной автору при анализе западнорусской идеи. Подобные достаточно распространенные в его время взгляды были проявлением наивного идеализма белорусской интеллигенции и в дальнейшем не нашли своего воплощения в истории [Там же]. Физическое уничтожение последних представителей западнорусизма в 1930-е годы сопровождалось не менее масштабными репрессиями в отношении белорусских «буржуазных националистов», что оказалось весьма символическим ответом на взгляды А.И. Цвикевича. Очевидным победителем из этой борьбы вышла советская власть. Расправившись при поддержке националистов с историками «старой школы», она немедленно дезавуировала свою предыдущую национальную политику. Тем самым власть расчищала дорогу для новых версий белорусского прошлого, основанных на марксистской методологии и популярных в 1930-е классовых теориях. В эпоху «большого перелома» прежний националистический/революционный дискурс исчезает из актуальной исторической повестки. Западнорусизм, наряду с «буржуазным национализмом», вытесняется в область нежелательных общественно-политических идеологий и сохраняет этот статус до рубежа 1980–1990-х годов.

Литература

Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 2.

Аверьянов Ю.Г. Белорусы — «Народ Росейски». (О традициях общерусского этнического самосознания у белорусов). URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/156-l-r-11.html (дата обращения: 29.03.2021).

Агееў А.Р., Пушкін І.А. Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (1917–1918 гг). Магілёў. 2017.

Аристов Н.Я. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855–1880) // Исторический Вестник. 1880. Т. 1. № 4. С. 665–680.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Мн. 2002.

Белозорович В.А. Концепция истории Беларуси в обобщающих научных трудах 1920-х гг. // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А.Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. Мн. 2018. С. 49–53.

Бендин А.Ю. Белорусские националисты и «западнорусизм»: опыт взаимоотношений. — URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/1086-belorusskie-natsionalisty-i-zapadnorusizm-opyt-vzaimootnoshenij.html# (дата обращения: 29.03.2021).

1 Основатель белорусской национальной школы В.У. Ластовский указывал «Чтения по истории Западной России» М.О. Кояловича в числе двух десятков русских, польских и украинских изданий, на которых основана его «Краткая история Белоруссии», опубликованная в 1910 г.

- Бок фон М.П.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М. 2007. URL: statehistory.ru/books/Mariya-Bok-_Vospominaniya-o-moyem-ottse-P-A-Stolypine/ (дата обращения: 29.03.2021).
- Гернович Т.Д.* Роль М.К. Любавского в решении проблемы перемещенных архивов // Крыніцазнавство і спецыяльныя гістатычныя дысцыпліны. 2012. С. 204–209.
- Головач В.М.* Западнорусизм как концепция белорусского этногенеза // Россия и современный мир. 2016.
- Гомон. Белорусское социально-революционное обозрение. № 1. 1884.
- Григорьев Д.В.* Религиозная ситуация и подготовка конвокационного сейма в период междуцарствия 1632 года. // Вестник Башкирского университета. 2005. С. 76–78.
- Диариуш берестейского игумена Афанасия Филипповича* // Русская историческая библиотека. Т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. СПб. 1878. Столбцы 49–156.
- Доўнар-Запольскі М.В.* Асновы Дзяржаўнасці Беларусі. Мн. 1994.
- Евангелие учительное. Перевод М. Смотрицкого. Евье. 1616. URL: search.rsl.ru/ru/record/01008116984
- Жих М.И.* К вопросу об этнической принадлежности кривичей // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия гуманитарные науки. 2013. № 1 (8). С. 8–17.
- Заблоцкая М.В.* Идеи «западноруссизма» в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX — начале XX века // Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов [и др.]. М. 2012. Т. XII. С. 157–177.
- Записки Иосифа, митрополита Литовского.* Т. 1. СПб. 1883. URL: zapadrus.su/bibli/istfbid/107-2010-08-26-19-29-04.html (дата обращения: 29.03.2021).
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М. 2000.
- Иванова Г.О. М.О. Коялович и И.С. Аксаков о проблеме Западной России* // Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. URL: aksakov.info/index.php?id=237 (дата обращения: 29.03.2021).
- Из «Отчета о командировке с научной целью за границу на летние месяцы академика Е.Ф. Карского» // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1997. № 6–7. С. 98–100.
- Ігнатоўскі У.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн. 1991.
- Карев Д.В.* Белорусская историография на рубеже XX–XXI вв. (старые проблемы и поиски новых решений) // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. Минск. 2004. С. 154–157.
- Карев Д.В.* Россия в исторической мысли и историографической традиции Беларуси конца XIX — начала XXI в. // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5–8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского. Брянск. 2010. С. 161–166.
- Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава. 1903.
- Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. II. Язык белорусского племени. Варшава. 1908.
- Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. Старая западнорусская литература. Петроград. 1921.
- Карский Е.Ф.* Рецензия на книгу В. Ластовского «История белорусской книги» // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1997. № 6–7. С. 101–105.

- Киевский Синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского Народа и первоначальных князьях Богоспасаемого града Киева. Киев. 1823. URL: azbyka.ru/otechnik/books/file/26952-Киевский-Синописис.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
- Кольцов М.Е. И академик и герой // Правда. 1927. 13 мая. № 106 (3638).
- Коронкевич П.В. Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е.Ф. Карского о программе Союза). Гомель. 1917.
- Короткова Д.А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. Диссертация кандидата исторических наук. М. 2015.
- Костомаров Н.И. Две русские народности (Письмо редактору) // Основа. СПб. 1861. № 3. С. 33–80.
- Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб. 1872.
- Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб. 1893. URL: prlib.ru/item/416937 (дата обращения: 29.03.2021).
- Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. СПб. 1884.
- Куницкий В.В., Шумский Ф.А. К вопросу о провозглашении ССРБ 31 июля 1920 г. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VIII Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 декабря 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. Минск. 2015.
- Лавринович Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев. 2015.
- Лавринович Д.С. История либерального движения в Беларуси начала XX века. Могилев. 2011.
- Лавринович Д.С. Проекты решения белорусского вопроса в годы Первой мировой войны. — URL: zapadrus.su/zaprus/istbl/2213-proekty-resheniya-beloruskogo-voprosa-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html (дата обращения: 29.03.2021).
- Ластоўскі В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн. 1992.
- Ластоўскі В.Ю. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна. 1924.
- Линченко А.А., Беляева Е.В. Союзное государство — общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. N 2 (39). С. 97–111.
- Лукашенко: Беларусь пережила непростой период в своей новейшей истории без катастроф и потерь. URL: belta.by/president/view/lukashenko-belarus-perezhila-neprosto-j-period-v-svoej-novejshej-istorii-bez-katastrof-i-poter-108882-2012 (дата обращения: 29.03.2021).
- Лысенко Н. М.О. Коялович и Санкт-Петербургская школа церковной историографии Западной России // Христианское чтение. 2002. №21. С.3–20.
- Максимович М.А. Об употреблении названий «Россия» и «Малороссия» в Западной Руси // Собрание сочинений М.А. Максимовича. Т. II. Киев. 1877. С. 307–311.
- Максимович М.А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев. 1837. URL: prlib.ru/item/435135 (дата обращения: 29.03.2021).
- Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. М. 2012. С. 7–33.
- Носевич В.Л. Белорусы: становление этноса и «национальная идея» // Белоруссия и Россия: общества и государства. М. 1998. С. 11–30.

- Носевич В.Л. Проблемы образования Великого княжества Литовского: обзор белорусской историографии // *Lietuvos istorijos studijos*. Т. 22. 2008. Р. 39–57.
- Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. Мн. 2005.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб. 1843.
- Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. СПб. 1882.
- Решетов А.М. Из архива академика Е.Ф. Карского // *Курьер Петровской Кунсткамеры*. 1997. № 6–7. С. 88–91.
- Риттих А.Ф. Приложение к материалам, для этнографии Царства Польского, губернии: Люблинская и Августовская. СПб. 1864.
- Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Минск. 2001.
- Самбук С.И. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. Мн. 1976.
- Сапунов А.П. Белоруссия и белорусы. Витебск. 1910.
- Сапунов А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск. 1910.
- Смотрицкий М.Г. Грамматика. М. Печатный двор. 1648. URL: prlib.ru/item/330275 (дата обращения: 29.03.2021).
- Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб. 1887.
- Трещенок Я.И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 22–24 мая 2001 г.). В 2 ч. Ч. 1, кн. 2 / Европейский гуманитарный ун-т, Бел. гос. ун-т культуры; отв. ред. и сост. А. Ю. Бендин. Мн. 2002.
- Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // *Вопросы языкознания*. М. 1990. № 2. С. 122–139.
- Фролов И.А. Историография развития исторической науки в Республике Беларусь на современном этапе. // *Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской науки; материалы Международной научной конференции*. Мн. 2012. С. 682–687.
- Хотеев А. Взгляды Е.Ф. Карского на белорусский язык и культуру. URL: zapadrus.su/zaprus/strbel/304-2011-03-28-18-14-13.html (дата обращения: 29.03.2021).
- Цьвікевіч А. Западнорусізм. Нарысы з гісторыі грамадскай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мн. 1993.
- Черепица В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно. 1998.
- Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // *Журнал министерства народного просвещения*. Апрель, 1899. С. 324–384.
- Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собр. и привед. в порядок П.В. Шейном. Т. 1. СПб. 1887. URL: prlib.ru/item/874097 (дата обращения: 29.03.2021).
- Шимов В.В. Русь, идущая на запад // Доклад на первой конференции памяти Игоря Вацловича Оржеховского. — URL: zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/2012-05-02-16-44-55/609-l-r121.html (дата обращения: 29.03.2021).